

спавший во все время рассказа его повести, уже проснулся и легко может услышать так часто повторяемую свою фамилию" (VI, 245).

16. См.: *Бахтин М.М.* Рабле и Гоголь. – С. 525.

17. К. Аксаков отмечал, что в гоголевской поэме представлен "мир, являющий нам глубокое целое, глубокое, внутри лежащее содержание общей жизни, связующей единым духом все свои явления" (*Аксаков К.С.* Несколько слов о поэме Гоголя. "Похождения Чичикова или Мертвые Души" // *Русская эстетика и критика 40-50-х гг. XIX в.* – М., 1982. – С. 44.

18. См.: *Кузнецов А.Н., Потаповский.* Жанровое обозначение "Повести о капитане Копейкине" // *Филологические науки.* – 1999. – № 2. – С. 11-16.

19. Ср.: "Ни у кого в художественных произведениях так много не пишут, ни у кого письма, реестры, заголовки, вывески не играют в эстетике слова такой роли" (*Милдон В.И.* Эстетика Гоголя. – М., 1998. – С. 13).

Владимир Денисов

Изображение Козачества в раннем творчестве Н. В. Гоголя («идея» исторического романа)

Осуществлению гоголевского замысла поэтической истории своего народа в статьях 1834 г. и в сборниках «Арабески» и «Миргород» 1835 г. сопутствовал замысел большого научного труда по истории Малороссии [1]. И тот и другой замысел оставался актуальным для автора, возможно, до осени 1835 г. **Продолжение** поэтической истории подразумевал подзаголовок «Миргорода», а в «Отчете по Санкт-петербургскому учебному округу за 1835 год» указано, что Гоголь «занимается... разысканием и разбором для Истории малороссиян, которой два тома уже готовы, но которые, однако ж, он медлит издавать до тех пор, пока обстоятельства не позволят ему осмотреть многих мест, где происходили некоторые события» [2]. Именно от этих трудов, которые автор не считал законченными ни в художественном, ни тем более в научном плане, Гоголь перешел к разработке «объемлющих всю Россию», по сути, исторических сюжетов [3], как бы возвращаясь к началу своего творчества, когда он пытался осуществить замысел исторического романа.

Перепечатывая «Главу из исторического романа» 1831 г. в сборнике «Арабески», Гоголь счел нужным пояснить: «Из романа под названием «Гетьман»; первая часть его была написана и сожжена, потому что сам автор не был ею доволен; две главы, напечатанные в периодических изданиях, помещаются в этом собрании» [4]. Таково единственное упоминание о самом романе и связи с ним «Главы из исторического романа» и «Пленника. Отрывка из романа», датированных в сборнике 1830-м г. – временем появления первых русских исторических романов М.Н.Загоскина, Ф.В.Булгарина и др.

Впервые являясь читателю под своим именем в «Арабесках», Гоголю, по-видимому, было важно заявить, что в его творчестве еще до «Вечеров» существовал **первый исторический малороссийский** (как следовало из названия) роман, который соответствовал и литературным тенденциям своего времени, и ожиданиям читателей. На этом фоне обращает на себя внимание

сознательный отказ автора от формы «вымышленного» романного повествования («не был ею доволен» – с пафосом уничтожения огнем всего несовершенного) в пользу «достоверности» повестей «Вечеров» и научно-художественного осмысления прошлого и настоящего в «Арабесках».

Смысл названия отвергнутого исторического романа был понятен тому, кто знал, что украинских гетманов изначально выбирали «из рыцарства вольными голосами» [5, 7]. Это подразумевало **типичность** и некую **исключительность** главного героя романа и взаимосвязь судьбы избранника-предводителя козаков с исторической судьбой его народа. Надо полагать, образованный читатель более-менее представлял ряд гетманов от Наливайко до К.Г.Разумовского. А для сознания обычного читателя были (и остаются) актуальны два украинских гетмана, противопоставляемые официальной историей: спаситель своего отечества Богдан Хмельницкий (в народном понимании – данный Богом, наделенный от Него властью) и демонический изменник Мазепа, отчужденный от Бога, народа и власти своим клятвопреступлением. К тому времени образы двух гетманов были запечатлены в романе Ф.Глинки «Зиновей Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия» (1817, опубл. 1819) и романе Ф.Булгарина «Мазепа» (1833-1834), в думе «Богдан Хмельницкий» (1822) и поэме «Войнаровский» (1825) К.Рылеева, в знаменитой пушкинской «Полтаве» (1828) и в поэме М.Максимовича «Богдан Хмельницкий» (1833), причем в большинстве сюжетов героя характеризовала соответствующая любовная коллизия. И приводя заглавие романа, Гоголь просто не мог этого не учитывать.

Однако содержание фрагментов, объявленных главами **такого** романа, не соответствовало подобным ожиданиям читателя «Арабесок» хотя бы потому, что здесь, на первый взгляд, ни о каком гетмане речь не шла и не было намека на любовную коллизию. И если действие в «Главе...» можно отнести ко временам Хмельницкого (об этом чуть ниже), то в отрывке «Пленник» указана точная дата: «1543 год» – а значит, строго говоря, действие происходит в **до-гетманские** времена [6]. Проблематична и связь этих фрагментов. Их общность, кроме жанрового определения и даты создания, обозначена лишь местом действия: под Лубнами на Полтавщине. Главы **одного** романа, помещенные в **разных** частях сборника, **принципиально отличаются** по стилю, а главное – по сюжету и особенностям изображения конфликта.

Как уже было сказано, в «Главе из исторического романа» конфликт малороссийского «смутного времени» отражался во взаимоотношениях двух типичных героев в типовой (пограничной) ситуации. Но при этом селянину-полковнику с его естественным умом и талантом, миролюбием и гостеприимством (правда, небесхитростным), его Дому и Семье оказывался противопоставлен одинокий польский пришелец, в чужом платье пробирающийся по чужой земле, которому пославшие его не слишком, видно, доверяют. И хотя легенда о злодействах «великого пана» и Божьей каре за это воздействовала на Лапчинского, она не объясняла ни его характер, ни мотивы его поступков.

Знаменательно, что в отличие от Глечика, о котором можно судить лишь

по его облику, речи, поступкам и окружению, сфера сознания Лапчинского относительно доступна автору (соответственно – и читателю). Основные моменты происходящего показаны «через» восприятие этого героя, и потому в данной ситуации он вызывает определенное сочувствие. А прием, оказанный ему, по сути напоминает встречу селянами заблудившегося на охоте пана или паныча. Такие отношения и открытость сознания пришельца свидетельствуют об отсутствии **антагонизма** между ним и Глечиком, хотя оба сохраняют естественную настороженность и недоверчивость.

Впрочем, миролюбие польской стороны объясняется и тем, что в Глечике видят потенциального союзника. Подобный мотив встречается в известном Гоголю эпизоде «Истории Малой России». После Переяславской рады в 1654 г. польский король Ян Казимир шел на все, чтобы привлечь Козачество на свою сторону и заставить его отложиться от России. В частности, король поручил гетману Ст.Потоцкому уговорить «славного храбростью» полковника Ивана Богуна, который еще не принимал присяги царю, «отказаться от Хмельницкого, присоединиться к польским войскам», и выступавший посредником «литвин Павел Олекшич... обещал ему (полковнику – В.Д.) ... именем Казимира: *Гетманство Запорожское, шляхетство и любое староство в Украине.* – Верный чести Богун препроводил письмо... к Хмельницкому...» [7, ч. 2, 2].

Поскольку главной темой гоголевского текста является посольство от Казимира (правда, здесь его истинная цель - предварительно узнать настроения Глечика), такой исторический подтекст позволяет увидеть в «Главе...» **побочную линию** повествования о Хмельницком. Соответствует этому и звание «полковника Миргородского полку», который сформировался в пору освободительного движения. Но в данном контексте легенда приобретает несколько иной, «охранительный» смысл...

По сравнению с нейтральным «Глава из...» – заглавие отрывка «Пленник» (тем паче изначальное «Кровавый бандурист» [8]) уже обозначает конфликт. И обрисован он будет иначе... Его определяет атмосфера насилия, о котором шла речь в легенде. Ночью в украинский городок входит отряд «рейстровых коронных войск», появление которого обычно «служило предвестием буйства и грабительства», но на этот раз, «к удивлению... жителей», внимание солдат привлекает пленник «в самом странном наряде, какой когда-либо налагало насилие на человека: он был весь с ног до головы увязан ружьями...» (так поступали с пойманными на охоте дикими зверями), и солдаты отгоняют любопытных, демонстрируя «угрожающий кулак или саблю» (81). Насилие проявляется и по отношению служителей Православной церкви: воевода стреляет в церковное окно, бранится и богохульствует, угрожает расправой. Запрещенный цензурой финал отрывка добавлял к этому натуралистическую картину пыток и кровавый образ казненного бандуриста.

Таким образом, в «Кровавом бандуристе» – в отличие от «Главы из исторического романа» – показан **антагонизм** конфликтующих сторон. Польские солдаты и наемники упиваются несправедной властью своей силы, но в то же время презирают и боятся козаков, видя в них дикарей, почти животных (примерно таков смысл вопроса воеводы: «...чего они так быстры на ноги,

собачьи дети?» – 86). Другая сторона представлена **жертвами насилия** – практически всеми остальными, но главное – пленником (читатель «Арабесок», не зная финала, мог лишь догадываться, кто пленник, – по его «слабому стенанию», ужасу и обмороку в пещере). Безусловно, воины, способные пытаться девушку, за чьи «снежные руки... сотни <бы> рыцарей переломали копья», и наслаждаться «муками слабого» (87-88), – отнюдь не рыцари. А настоящим Рыцарем, несмотря на свою слабость, предстает их пленница в рыцарском шлеме с забралом, которая символизирует сопротивление своей страны, изнемогающей от насилия захватчиков. Ведь если женщина – вопреки традициям и собственной природе – берется за оружие, значит, исчерпаны другие возможности сопротивления и переполнилась чаша народного гнева!

Вместе с тем уместен вопрос о времени действия в отрывке. Для читателя, хотя бы отчасти знакомого с историей Украины, упоминание о «рейстровых коронных» войсках делает **очевидной** некорректность датировки «1543 год». К тому же, заметим, она нарушает принятое в «Вечерах...» и первой редакции «Тараса Бульбы» ограничение повествования временами Подковы (молдавского господаря, казненного в 1577 г.) и «короля Степана» - Стефана Батория, короля польского с 1576 г., создавшего козацкие полки. Как известно, во времена Сигизмунда I Старого – короля польского и великого князя литовского в 1506-1548 гг. – «рейстровые» (коронные) войска еще не существовали. Их составили гораздо позднее из козаков, которые, по универсалу 1572 г. короля Сигизмунда II Августа, были приняты на военную службу и внесены в особый реестр (в отличие от нереестровых козаков, которых польское правительство не признавало). А религиозная вражда, какую мы видим во фрагменте, проявляется в конце XVI в. – времени Брестской унии, когда началось народное сопротивление польско-католической экспансии.

Это означает, что «Остржаницей» в отрывке может именоваться не только гетман Острица, как обычно полагают исследователи [528], но и, скорее, уроженец Острога («остржанин») гетман Наливайко – глава козацкого восстания 1594-1596 гг., который «претерпел <поражение> от Жолкевского при Лубнах, на урочище Солонице» (поблизости от места действия в гоголевском фрагменте) и был замучен в Варшаве в 1597 г. [7, ч. 1, 176]. Согласно некоторым источникам, под Лукомлем в 1638 г. потерпел поражение и Острица [9; о нем речь впереди]. Возможно, соединив в «Остржаницу» прозвища двух известных гетманов трагической судьбы, автор так обозначил **трагический тип** героя [10], соответствующий **стилю** повествования. И явный анахронизм указывает, что изображение «рыцарского» и «нерыцарского», трагического, чудесно-ужасного, живого «земного» и мертвого «подземного» в данном случае обусловлено авторским пониманием границ малороссийского средневековья как времени кровавого неурядиства, открытого противоборства вольности и насилия, народного и чужеземного, духовного и телесного – по сути, Божественного и дьявольского [11].

«Средневековость» действия предопределила и **готический стиль** изображения, о котором следует сказать особо. Хотя «Кровавый бандурист» во многом напоминает произведения «неистойной словесности» [12], нам

представляется, что Гоголь непосредственно использовал поэтику готических романов и новелл, которая была основой «кошмарного» жанра. Об этом свидетельствуют художественные детали и образы, заимствованные из готического романа М.Г.Льюиса «Монах» [13]: кладбище в катакомбах, и узница, как бы погребенная здесь заживо, и «отвратительная жаба, изрыгающая черный яд», и «окровавленный призрак», и другие [14]. Впрочем, в современных Гоголю исторических произведениях тоже встречаются тайны подземелий, кровавые призраки, сцены насилия, загадочно-демонические герои, унаследованные от готического романа и новеллы.

В «Кровавом бандуристе» есть и другие литературные реминисценции. Так, его начало перекликается с началом последней главы повести О.М.Сомова «Гайдамак» (1826), где связанного по рукам и ногам разбойника Гаркушу сопровождал отряд козаков. В романе М.Н.Загоскина «Юрий Милославский» (1829) герой был заточен в «мрачном четырехугольном подземелье» разрушенной церкви. Ситуация, когда в пленнике опознают переодетую девушку, была фактически травестирована в повести Гоголя «Майская ночь» (1831): один неопознанный пленник брошен в темную комору, другой — в темную хату для колодников, в том и в другом случае вместо ожидаемого «сорванца» перед Головой и его отрядом возникает... «свояченица». Подобны при этом и бранные наименования узника (собачьи дети – чертовы дети, польское «псяюха» – шельма). Таким образом, противостояние сельского головы с парубками по сути продолжает давний конфликт несправедливой власти и насилия с козацкой вольностью – но уже комично, пародийно.

Отмеченные в гоголевском фрагменте реминисценции, переклички, сходство ситуаций с литературными и фольклорными произведениями расширяют панораму повествования, вовлекая в него дополнительные планы, пересечением которых и образуется «сверхсмысл». Однако единственно схожим с «Кровавым бандуристом» по тематике, стилю и датировке гоголевским произведением следует признать «Страшную месть» (1832), где мир прошлого с приметами XVI-XVII вв. тоже воссоздавался на готической основе, включавшей народные предания, поверья, песни, апокрифы. **Чудесное, невероятное** – по законам жанра – здесь тоже представало как **ужасное** (например, появление колдуна на свадьбе). А сама жизнь отступника от Козацкого мира становилась символом противоестественного, почти животного (сродни волку), нехристианского существования. Наоборот, в «Кровавом бандуристе» ужасные муки героев-страдальцев, христиански пренебрегающих «телесным», символизируют **искупительную жертву во имя национальной независимости**. Соответственно этому изображены «страна, терпящая кровавые жатвы», храм и его настоятель, монастырские катакомбы как «иной мир» – разрушительный для тела и спасительный для души.

Народное прошлое в повести и во фрагменте, по замыслу автора, изображалось именно в готическом стиле. Но «готические» черты фрагмента, в отличие от «Страшной мести», не были «уравновешены» собственно фольклорным материалом, хотя литературно-фольклорные параллели основных мотивов очевидны: попрание христианских канонов, подземный мир смерти,

девушка-воин, бандурист. Такая принципиальная «литературность», сближая фрагмент с «Главой из исторического романа», может рассматриваться как характерная особенность ранних гоголевских исторических произведений, когда, отчасти используя в их основе известные литературные шаблоны, автор опирался на литературно-фольклорные параллели и довольно ограниченно вводил фольклорный материал, поскольку недостаточно им в то время владел.

Все это дает основания полагать, что в 1831 г., создавая вторую часть «Вечеров», Гоголь работал и над каким-то большим историческим («готическим») произведением, один из набросков которого станет затем «Кровавым бандуристом» и будет соответственно датирован. И предисловие ко 2-й части «Вечеров», по мнению исследователей (III, 713), содержало намек на такое произведение: «...для сказки моей нужно, по крайней мере, три такие книжки». Однако позднее в «Арабесках» главы из исторического романа на равных вошли в разнородную структуру сборника. Поэтому заявленный в примечании к ним отказ от целостной формы романа свидетельствует о предпочтении автором «синтетической» формы, совмещавшей научное и художественное (а не противопоставление романа – «Тарасу Бульбе», как полагает В.А. Зарецкий). В этом плане «Арабески» можно истолковать как своего рода замену или эквивалент исторического романа, где художник-ученый восстанавливает интуитивно и логически весь путь человечества, объединяя разные стороны и эпохи человеческого бытия – и скрепляя своим словом распадающийся мир. Здесь сюжетом становится вся духовная история человечества, которую автор отражает в своем духовном развитии и как ее наследник, и как представитель своего народа, и как художник-демиург, создающий – в меру сил – лишь какие-то части, фрагменты картины мира, и просто как один из героев своего «общечеловеческого» романа. Но в таком случае малороссийское, даже становясь частью Всемирного, очевидно «мельчает», растворяется в общем. Возможно, поэтому в «Арабесках» фрагментам романа и «Взгляду на составление Малороссии» автор предпослал примечания, которые, в частности, указывали, что эти произведения входят еще и в иной, «малороссийский» контекст, и он явно нуждается в восполнении. Какую же роль играл при этом замысел исторического романа, да и был ли он когда-нибудь на самом деле осуществлен?

Парадокс в том, что «недостающие» читателю «Арабесок» конкретные элементы сюжетной схемы заявленного исторического романа восполняются в рукописном отрывке, найденном после смерти Гоголя в его бумагах. Уже при первой публикации этого текста, написанного «на отдельных листках самым неразборчивым почерком», издатели полагали, что он «принадлежит к самым молодым произведениям нашего автора и писан может быть еще до появления «Вечеров на хуторе близ Диканьки», но в нем... <уже> проглядывает то художественное представление страны и характеров, которое с такою полнотою развилось в Тарасе Бульбе и других... произведениях» [15]. По наблюдениям Кулиша, листы с текстом были вырезаны из записной книги (III, 713), которой Гоголь пользовался в 1831-1834 гг. В копии рукописи, сделанной Кулишом, зафиксировано лишь несколько гоголевских исправлений и

приписок [16], а позднее Тихонравов обратил внимание на принадлежность к этому тексту и скопированных Кулишом отдельных черновых приписок [17]. Все это доказывает, что в самой рукописи Гоголь свел для последующей работы предварительные черновые наброски, чем и объясняются очевидные нестыковки материала (например, вариативность наименования героев).

В гоголеведении принято возводить этот текст непосредственно к роману «Гетьман» (см. комментарий И.Я.Айзенштока – III, 711-716). Не отрицая связи самого текста с замыслом «Гетьмана», мы принимаем название «Главы исторической повести», поскольку считаем, что объявлять отрывок началом самого романа нет оснований, если «первая часть... была написана и сожжена», а принадлежность других фрагментов ко 2-й части, как показано выше, весьма сомнительна. Кроме того, и объем обозначенных глав явно недостаточен для романа.

Видеть в отрывке начало романа «Гетьман» позволяет лишь фамилия главного героя – исторически достоверного гетмана Острицы. Согласно «Истории Русов», нежинский полковник Стефан/Степан Острица в 1638 г. был избран гетманом нереестровых козаков вместо Павлюка, казненного в Варшаве, и возглавил восстание на Запорожье против польской и украинской шляхты. Он показал себя искусным полководцем, очистив приднепровские города от поляков, наголову разбил польские войска у реки Старицы. Гетман Лянцкоронский позорно бежал, но был обложен козаками в местечке Полонном, и только посредничество русского духовенства спасло ему жизнь. После подписания трактата о вечном мире с поляками Острица поверил их клятвам и распустил свое войско, а сам с частью войскового чина заехал для принесения благодарственного моления Богу в Каневский монастырь, где и был предательски захвачен поляками, отправлен в Варшаву и там после пыток казнен вместе с тридцатью семью соратниками [5, 53-56]. И в повести «Тарас Бульба» Гоголь будет придерживаться этой версии: «Немного времени спустя, после вероломного поступка под Каневым, голова гетмана вздернута была на кол вместе со многими сановниками» (236). Глава «Казнь Острицы» из «Истории Русов» была опубликована в самом первом, программном номере пушкинского «Современника» [18]. Согласно другим источникам, Острица (или Яков/Яцко Остринин) был убит в 1641 г. во время выступлений против козацкой старшины на Слободской Украине, куда он увел часть войска после поражения в Жовнинской битве [528-529].

Гоголь **не мог** не обратить внимания на имя и обстоятельства жизни **нежинского** полковника хотя бы потому, что явно опирался на «Историю Русов» (III, 714-715). Следовательно, в «Главах...» фамилия Острицы использована для **условного обозначения персонажа**. На это же указывает и его **переименование**. Украинское имя Тарас (от греч. tarassō – волновать, возбуждать, приводить в смятение, тревожить) имело значение «бунтовщик» [19] и напоминало о гетмане Тарасе Федоровиче (Трясыло), под чьим руководством в 1630 г. была одержана победа над поляками в ночном сражении, оставшемся в народной памяти как «Тарасова ночь». Можно полагать, что на этого легендарного героя изначально и ориентировалось

приуроченное к «1625-му году» [15, л. 3] повествование с героем **странником** или – как говорит о себе герой – «странной судьбы» (106). Лишь при последующей обработке текста Гоголь изменил дату на «1645» – и тем самым приблизил время действия к началу выступления Хмельницкого в 1647-1648 гг. [20]. При этом следы «двойной» хронологии в тексте сохранились. Так, Острица и Пудько вроде бы говорят о турецком походе 1640 г. (где принимал участие Хмельницкий), но упоминание о «Сиваче» (Сиваше) подразумевает поход 1620 г., когда произошла «битва при Соленом озере».

Итак, сочетание имени и фамилии народных героев-гетманов вкупе с обозначением времени, предшествующего национально-освободительному восстанию, должны создать у читателя представление о **типе** героя. Его сближение с гетманом, который, по выражению Максимовича, «облагородил и возвысил» национальный характер [21], вполне закономерно для исторических произведений, нередко использовавших фольклорную традицию изображения легендарных героев (в данном случае она обозначена самим переименованием Зиновия в Богдана). Например, развивая мотивы думы о Хмельницком в поэме «Наливайко» (1825), К. Рылеев местом действия героя определил Чигирин, а в черновике (правда, единственный раз) прямо назвал героя Хмельницким [22]. Однако подобное «стяжение» усиливало противоречия литературного образа – и «внешние», и «внутренние», – зачастую разрушая его достоверность. Так, в поэме М. Максимовича «Богдан Хмельницкий» главный герой впервые появляется «В одежде крымца не простого, По виду – ляха молодого, И по словам... Украинца» [23]. Возвратившись в родные места, герой получал весть о смерти отца и пытался отомстить ее виновнику Чаплицкому, но проявлял непростительную доверчивость, попадал в заточение и ожидал казни (здесь сюжетная схема поэмы близка к финалу романа Ф.Глинки). Затем героя неожиданно спасала дочь антагониста (в думе Рылеева – это «младая жена» Чаплицкого, которая «связь с тираном разорвала» и принесла герою освобождение, себя и меч), потрясенная «муками и мужеством» Хмельницкого.

(продолжение следует)

---

1. Впервые об этом труде упомянуто в письме к М.А.Максимовичу от 9 ноября 1833 года: «Теперь я принялся за историю нашей единственной бедной Украины. Ничто так не успокаивает, как история. Мои мысли начинают литься тише и стройнее. Мне кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, что до меня не говорили» (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. – М.-Л., 1937-1952. – Т. X. – С. 284; здесь и далее в цитатах по ПСС указываем том римской, а стр. арабской цифрой в круглых скобках). О планах закончить в Киеве «историю Украины и юга России» сообщалось Пушкину 23 декабря 1833 г. (X, 290). Занятия историей Украины шли параллельно работе над всемирной историей. В письме к М.П.Погодину 11 января 1834 г. Гоголь признавался: «Ух, брат! Сколько приходит ко мне мыслей теперь! да каких крупных! полных, свежих! мне кажется, что сделаю кое-что не-общее во всеобщей истории. Малороссийская история моя чрезвычайно бешена, да иначе, впрочем, и быть ей нельзя. Мне попрекают, что слог в ней слишком уже горит, не исторически жгуч и жив; но что за история, если она скучна!» (X, 294). Максимовичу 12 февраля 1834 г. «История Малороссии» была обещана «в шести малых или в четырех больших томах», «от начала до

конца» (X, 297). Но 6 марта 1834 г. Гоголь пишет И.И.Срезневскому уже о том, что «недоволен польскими историками», а «к нашим летописям охладел, напрасно силясь в них отыскать то, что хотел бы отыскать <...> И потому-то каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи...» (X, 298-299).

2. Цит. по изд.: *Машинский С.И.* Художественный мир Гоголя. – М., 1971. – С. 150.

3. Об этом, в частности, см.: *Золотусский И.П.* Гоголь. – М., 1979 (ЖЗЛ). – С. 240-258.

4. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 9 т. – М., 1994. – Т. 7. – С. 525; далее везде текст гоголевских произведений цит. по этому изд., указывая стр. в круглых скобках; при ссылке на комментарий В.А.Воропаева, И.В.Виноградова № стр. даем в квадратных скобках.

5. Цит. по изд.: <*Конисский Г.*> История русов // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском ун-те. – М., 1846. – № 1-4. – Отд. 2; далее в тексте – «История Русов».

6. Предводители козацкого войска стали называться гетманами после Люблинской унии 1569 года, объединившей Великое княжество Литовское (с Малороссией в его составе) и Польское королевство в единое государство Речь Посполиту.

7. *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. – 2-е изд. – М., 1830. – Ч. 1-3.

8. Приведенные в «Арабесках» сведения о том, что «Пленник. Отрывок из исторического романа» уже был напечатан, не вполне корректны, ибо здесь он опубликован впервые. Изначально, в более полном виде, под заглавием «Кровавый бандурист. Глава из романа» и датой «1832» он действительно предназначался в журнал «Библиотека для чтения» (1834. Т. II. Отд. I), но был запрещен цензурой как отвратительная «картина страданий и унижения человеческого... в духе новейшей французской школы», т.е. «неистойной словесности» [528]. Вероятно, какое-то время Гоголь не терял надежды опубликовать «Кровавого бандуриста» полностью, а затем, помещая в «Арабески», исключил финал, заменил название и дату. Поэтому неясно, был ли фрагмент самостоятельным художественным **целым**, или **главой одноименного романа**, или, действительно, как утверждалось, – **одной из глав романа** «Гетьман». В нашей статье под «Кровавым бандуристом» следует понимать запрещенный цензурой полный текст фрагмента.

9. *Грушевский Михаил.* Иллюстрированная история Украины. – К., 1996. – С. 297.

10. Этот **тип** героя-гетмана в повести «Тарас Бульба» вновь «раздвоится» на трагические образы Наливайко и Острицы: «...гетман, зажаренный в медном быке... лежит еще в Варшаве» (202); «...голова гетмана вздернута была на кол вместе со многими сановниками» (236).

11. Нельзя исключить, что первопричиной столь явного анахронизма стало желание «смягчить» тенденциозность фрагмента, предназначенного для журнала, издателем которого был поляк Сенковский. Отчасти это подтверждается изображением предводителя **серба** с теми же «неизмеримыми усами», что в других гоголевских исторических произведениях принадлежат только польскому военному.

12. См. об этом: *Виноградов В.В.* Поэтика русской литературы. Избр. труды. – М., 1976. – С. 91-94.

13. <*Льюис М.Г.*> Монах, или Пагубные следствия пылких страстей. Сочинение славной г. Радклиф [sic!]. Пер. с фр. – СПб., 1802-1803. – Ч. 1- 4. Среди тех, кто подписался на книгу, первым назван Д.П.Трощинский.

14. Подробнее об этом см. в нашей работе: О ранней прозе Н.В.Гоголя // Творчество Н.В.Гоголя: истоки, поэтика, контекст: Межвуз. сб. науч. трудов. – СПб., 1997. – С. 10.

15. Сочинения Гоголя: В 6 т. – М., 1856. – Т. 5. – С. IV, 411.

16. Отдел рукописей Пушкинского Дома. Фонд 652, опись 2, ед. хр. 71.

17. Сочинения Н.В.Гоголя. – 10-е изд. – М., 1889. – Т. V. С. 549-551.

18. Собрание сочинений *Георгия Конисского*, Архиепископа Белорусского... // Современник. – 1836. – Т. 1. – С. 102-109.

19. Справочник личных имен народов РСФСР. – М., 1987. – С. 524.

20. Для гоголевських повістей означення «времени Хмельницького» – не рідкість. Так, наприклад, в «Страшній мести» бандурист «повел про прежню гетьманщину, за Сагайдачного і Хмельницького», коли «іноє було время: козацтво було в славі; топтало конями неприятелів, і ніхто не смел посмеяться над ним» (1/2, 161); в журнальному варіанті повісті «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» дід дядька означає время діяння «малолетством Богдана» (I, 350).

21. Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. – М., 1827. – С. V.

22. Рылеев К.Ф. Сочинения / Сост., вступ. ст., коммент. С.А.Фомичева. – Л., 1987. – С. 206, 213. Согласно комментарию, «имя Хмельницкого... здесь легло под перо Рылеева по ошибке», хотя, надо полагать, «не случайно Наливайко в поэме Рылеева наделяется отчасти чертами биографии Хмельницкого...» (С. 370).

23. Максимович М. Богдан Хмельницкий. Поэма в шести песнях. – Спб., 1833. – С. 3.

Семен Абрамович

Предметний світ у Гоголя

Образ-реч, або ж так званий «предметний образ» в художній системі літератури не є сферою, яка занадто часто приваблює дослідника, хоча, починаючи від О. Потебні, образи в художньому творі розглядають як певну систему[3], як гармонійне врівноваження *образів-персонажів* (люди), *пейзажних образів* (світ природи – даної нам ззовні, «нерукотворної»), та *образів-речей* («друга природа» – світ цивілізації). Закономірно, що проблема «людини» або «людини й природи» здається завжди невичерпною, а ось зроблені нашими руками речі – люлька чи там комп'ютер – рідко коли видаються здатними на самостійне від людини існування. Вони завжди при нас, наші безсловесні пахолки. Хіба що байкарі, автори літературних казок, фантасти чи дитячі письменники вдаються до оживлення мертвого предмета, зав'язавши незвичайний і відверто «умовний» сюжет: про грізного Мийдодира або про бунт комп'ютерів, наприклад.

Щоправда, в гоголезнавстві ситуація трохи інша. Фантастичне оперування предметом традиційно потрактовується як засіб реалістичної типізації, хоча Богу одному відомо, чому це, прикладом, вареник, який сатанинським способом сам пхається до горлянки чаклуна Пацюка має бути способом реалістичної типізації – чи то чаклуни таке практикують масово? Але теза про те, що предметний світ у Гоголя є «довіском» до світу людини, увійшла до нашої свідомості з шкільної лави, як відлуння написаного в серйозних дослідженнях й переописаного в численних підручниках. Два свічки – дженджуристий, з античними фігурками грацій, поруч з кульгавим та засмальцованим «мідним інвалідом»; два обтягнені редюгою стільці поруч з модним гарнітуром – це все є, звичайно ж, засіб змалювання безгосподарності Манілова. Реалістичне письмо ж бо просто-таки вимагає подібного використання образа-речі як аксесуару середовища.

До образа-речі в прозі Гоголя як до самостійного об'єкта дослідження звертався, здається, лише один-єдиний дослідник [7], чий цікаві спостереження